

берг И. Р., Садовский В. Н. Юдин Б. Г. Философский принцип системности и системный подход//Вопросы философии, 1978. № 8. С. 39—52; Гвишиани Д. М. Материалистическая диалектика — философская основа системных исследований//Системные исследования. Методологические проблемы: Ежегодник. 1979. М., 1980. С. 7—28. Садовский В. Н. 1) Системный подход и общая теория систем: статус, основные проблемы и перспективы развития//Системные исследования. Методологические проблемы: Ежегодник. 1979. М.; Наука, 1980. С. 35—39; 2) Принцип системности, системный подход и общая теория систем//Системные исследования: Ежегодник. 1978. М.: Наука, 1978. С. 7—25; Юдин Э. Г. Системный подход и принцип деятельности//Методологические проблемы современной науки. М.: Наука, 1978. С. 391.

² См.: Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. 2-е изд. М.: Политиздат, 1980. 312 с.

³ См.: Уемов А. И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. С. 118—130.

⁴ См.: Уемов А. И. Логический анализ системного подхода к объектам и его место среди других методов исследования//Системные исследования: Ежегодник. 1969. М.: Наука. 1969. С. 80—96.

⁵ Об этом см.: Уемов А. И. Формальные аспекты систематизации научного знания и процедур его развития//Системный анализ и научное знание. М.: Наука, 1978. С. 95—141.

⁶ См.: Уемов А. И. Вещи, свойства и отношения. М.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 74—90; Уемов А. И., Плесский Б. В. Реальность, относительность и атрибутивность системных моделей действительности//Философско-методологические основания системных исследований. М.: Наука, 1983. С. 187—197.

⁷ См.: Уемов А. И. К интенциональной трактовке выводов из данных опыта//Логика и эмпирическое познание. М.: Наука, 1972. С. 7—29.

⁸ См.: Дмитриевская И. В. Системный анализ категории «реальность» в гносеологии//Становление и структура сознания и познания: Межвуз. сб. науч. тр./Ивановский ун-т. Иваново, 1982. С. 87—101.

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 198.

Этические мотивы в «Критике чистого разума» И. Канта

И. С. Кузнецова
(Калининградский университет)

«Наука и нравственность», «век науки и ответственность ученого», «этика ученого» — так в многочисленных философских и публицистических работах, литературных сочинениях и газетных статьях ставятся этические проблемы, связанные с научной деятельностью. При этом особое внимание уделяется рассмотрению нравственного облика ученого, профессиональной этике, исследованию ценности познания, ставятся вопросы о применении результатов открытий. Эти проблемы исключительно обостренно воспринимаются в настоящее время в связи с пресловутой программой СОИ, успехами генной инженерии, рядом исследований в области физики и биологии. Требования общественности объявить мораторий на работы в определенной области знания наталкиваются на сопротивление ученых, выдвигающих тезис: «Развитие науки остановить нельзя». Некоторые ученые из этических соображений отказываются от ис-

следований, которые могут быть направлены против человека. Например, английский биолог П. Харпер объявил на международной конференции на тему «Чем грозит и что сулит нам наука» о прекращении своих работ по изучению мозга, так как его опыты показали, что открываются возможности манипулировать людьми, воздействуя на их мозг¹. Можно указать еще на ряд событий такого же рода, что говорит о возрастающей актуальности темы «Наука и нравственность».

По-видимому, для осмысления этой проблемы весьма полезно будет обратиться к творчеству ученых, создавших выдающиеся этические учения, ибо подходы, решения и даже заблуждения в анализе данной темы могут натолкнуть на плодотворные идеи. Кант же не только предложил своеобразную этическую концепцию, но был одним из глубочайших мыслителей, предпринявших исследование человеческого познания и пытавшихся установить «его сферу и границы». Поэтому можно предположить, что тема «Наука и нравственность» не осталась вне его внимания, и в «Критике чистого разума» должны быть какие-либо следы его размышлений над этой проблемой.

В «Трансцендентальной диалектике» И. Кант исследует идеи чистого разума. Прежде всего обратим внимание на то, каким образом определяются идеи чистого разума, как они вводятся в рассмотрение. Кант специально остановился на терминологии, фиксируя градацию обозначений, «соответствующих каждому виду представлений» (3, 354). Говоря о понятиях, он отмечал, что «понятие бывает или эмпирическим или чистым; чистое понятие, поскольку оно имеет свое начало исключительно в рассудке (а не в чистом образе чувственности), называется *notio*. Понятие, состоящее из *notiones* и выходящее за пределы возможного опыта, есть идея, или понятие разума» (3, 354). Эти идеи Кант разделяет на три класса: «Из них первый содержит в себе абсолютное (безусловное) единство мыслящего субъекта, второй — абсолютное единство ряда условий явлений, а третий — абсолютное единство условий всех предметов мышления вообще» (3, 363). По замыслу Канта, необходимость трансцендентальных идей определяется тем, что они служат для восхождения к принципам и для приведения всех знаний в систему (3, 365).

Эти рассуждения Канта важны для понимания специфики философского знания. В самом деле, философия уже по своему происхождению существенно отличается от других наук, что отмечено многими исследователями². Философия прежде всего отличается предметом исследования. Физика, например, обращаясь к изучению закономерностей природы, исследует некоторую предметную область, ведутся наблюдения, эксперименты. Так же поступают и другие науки. Философия непосредственно не имеет дела с предметами материального мира. Научная философия использует результаты, полученные в кон-

кретных науках. Стремясь к познанию мира, его наиболее общих закономерностей, научная философия обращается прежде всего к истинным теориям, описывающим какую-то сторону реальности. Когда начинаются философские размышления над этими теориями, тогда сами теории выступают в роли «метаэмпирических фактов». В результате анализа, индуктивного обобщения фундаментальных понятий конкретных наук создаются метаэмпирические понятия, например, понятия качества, количества и т. д.

Физика, изучая твердое, газообразное и т. д. состояние вещества, создает истинные теории относительно тел, находящихся в каком-то состоянии, выявляет законы перехода из одного состояния в другое. Этим занимаются и другие науки. В результате индуктивного обобщения того общего, что существует в различных истинных теориях, изучающих процесс изменения, в философском знании формируются метаэмпирические понятия «качество», «количество». А затем эти категории начинают выполнять эвристическую роль: исследователя, приступающего к изучению новой предметной области, они ориентируют на выявление качественного и количественного своеобразия в явлениях этой новой предметной области. Онтологическое содержание категории качества, например, диктует в какой-то мере и программу исследования, определяя, что, устанавливая качественную специфику объекта, прежде всего следует изучить свойства как наиболее явную, внешнюю сторону объекта; затем обратиться к исследованию внутренней структуры и составляющих ее элементов, а потом надо осуществить синтез: выявить взаимовлияние и взаимодействие внутренней структуры и внешних свойств. Иначе говоря, существует постоянная связь конкретно-научных понятий и философских категорий. Конкретные науки начинают изучение некоторой предметной области с эмпирических фактов, формулируют понятия, которые отражают отдельные явления, затем формируют теории. Размышления над истинными теориями приводят к созданию метаэмпирических понятий, категорий. А эти категории, выступая как формы мышления, служат, кроме всего прочего, и образованию новых понятий в конкретных науках.

Возвращаясь к идеям Канта, можно сказать, что метаэмпирические понятия имеют сходство с чистыми понятиями Канта. Их источником являются не образы чувственности, они формируются познающим субъектом на основе ранее полученного знания, возникают как бы над знанием. Метаэмпирическое знание существенно отличается от эмпирического. Эмпирическое знание может возникать стихийно, быть результатом случайного опыта. Оно отражает явления, с которыми человек имеет дело в предметной деятельности. Эмпирическое знание формируется и в результате направленных экспериментов, направленной деятельности. Метаэмпирическое же знание — это ре-

зультат всегда направленной деятельности, результат изучения знания, процесса познания, его истории, результатов. Оно возникает как итог анализа и обобщения теорий, относящихся к различным областям знания.

Итак, рассматривая метаэмпирическое исследование, видим, что метаэмпирическими фактами выступают некоторые теории, полученные в конкретных науках. Чтобы исследование не стало спекулятивным, чтобы объяснить метаэмпирическое знание и предсказать новое метаэмпирическое знание, необходимо ввести понятие объективной реальности и ее атрибутов. Понятие о реальности, как о том, что непосредственно существует вне и независимо от индивидуального и коллективного сознания³, позволяет ввести объективный критерий оценки истинности метаэмпирических понятий. Под атрибутом реальности понимается такое свойство, такая характеристика, которая присуща любому виду объективной реальности.

Обратим внимание, каким образом могут быть получены понятия об объективной реальности. Конкретные науки изучают материальный мир и тем самым создают определенные понятия о нем. Может быть, достаточно объединить, индуктивно обобщить эти знания — и мы получим представление о мире в целом? Э. В. Ильенков отмечал, что «определения целого» принципиально не могут быть получены (за это ручается даже формальная логика) путем фиксации тех «обобщающих признаков», которыми обладает порознь рассматриваемая часть этого целого, каждый его составной элемент, как представление о форме дома не составишь из тех признаков, которыми обладает каждый кирпич⁴. Философское знание рассматривает объективную реальность не как набор, совокупность данных различных наук, а как систему; поэтому объективная реальность не может трактоваться как множество, элементы которого изучаются отдельными науками.

Присмотримся к утверждениям:

M_1 . Имеются физические объекты, т. е. объекты, существование и свойства которых не зависят от того, воспринимаются, мыслятся, измеряются ли они кем-либо или нет.

M_2 . Каждый физический объект соответствует некоторому множеству физических законов, т. е. устойчивых и объективных структур.

M_3 . Можно познать, хотя и предположительно, приблизительно и постепенно, как физические законы, так и некоторые из особенностей индивидуальных физических объектов⁵.

Можно ли считать, что эти утверждения получены в результате обобщения данных конкретных наук? Нет. Любое исследование в любой конкретной науке начинается, имея в виду явно или нет постулаты M_1 — M_3 . В самом деле, отрицание M_1 ведет к отрицанию исследовательской деятельности вообще, ибо если не выполняется M_1 , то нет смысла изучать не-

существующее. Если M_2 не имеет места, то невозможно построение теории, все исследование будет ограничиваться констатацией отдельных, несвязанных фактов. Если не принимать M_3 , то это означает солидарность с агностицизмом, и можно не заводить это сложное и требующее больших усилий дело — познание внешнего мира.

Конкретные науки лишь подтверждают утверждения M_1 — M_3 . Опровергнуть их невозможно ни эмпирически, ни теоретически, ведь в конкретных науках исследователь имеет дело с определенной предметной областью, которая в ходе познания расширяется, но все же является конечной, а постулаты M_1 — M_3 предполагают бесконечность. Оставляя сейчас в стороне вопрос о том, каким образом сформулированы данные утверждения, укажем на их сходство с понятиями чистого разума Канта. Так же, как понятия разума, они выходят за пределы опыта, и связь их с понятиями рассудка в терминологии Канта легко обнаруживается.

Утверждения M_1 — M_2 — это онтологические принципы. Система онтологических принципов составляет основу мировоззрения. Учитывая сходство онтологических принципов и идей чистого разума Канта, отметим, что и эти идеи необходимы как ядро мировоззрения. В самом деле, Кант и сам отмечал мировоззренческий аспект в рассуждениях о трансцендентальных идеях, указывая, что они служат для восхождения в ряду условий к безусловному, т. е. к принципам (3, 365), что чистый разум посредством этих идей приводит все свои знания в систему (3, 365). Иначе говоря, идеи чистого разума задают «координатную систему», в которой происходит «продвижение от знания о самом себе к познанию мира и через него к познанию первосущности», происходит «столь естественно, что кажется подобным логическому продвижению разума от посылок к заключению» (3, 365). Благодаря наличию трансцендентальных идей разум «освобождает рассудочное понятие от неизбежных ограничений сферой возможного опыта и таким образом стремится расширить его за пределы эмпирического, хотя и в связи с ним» (3, 392).

Итак, идеи чистого разума необходимы для формирования фундаментальных онтологических утверждений, которые не только указывают на сущность бытия, но и определяют программу его познания. И тогда, по мнению Канта, важнейшую особенность трансцендентальной философии составляет то, «что ни один вопрос, касающийся предметов, данных чистому разуму, не может быть неразрешимым для того же человеческого разума и никакое оправдание неизбежным незнанием и неизмеримой глубиной не может освободить от обязанности дать основательный и полный ответ на них». (3, 442). Здесь как раз и появляются этические мотивы: фундаментальные онтологические проблемы, составляющие основу мировоззрения, его «систе-

му координат», должны быть исследованы. Ничто не может оправдать отказ от решения предельных вопросов мировоззрения. Кант решительно отвергает уверения, «будто эти проблемы нельзя решить с достоверностью» (3, 445). Он утверждает, что «критическое же решение, которое может быть вполне достоверным, рассматривает вопрос вовсе не с точки зрения объекта (objectiv), а с точки зрения фундамента познания, на котором оно основано» (3, 446).

Трансцендентальные идеи, составляющие этот фундамент, «приводят все правила эмпирического применения разума к систематическому единству и всегда расширяют опытное знание, никогда не противореча ему», поэтому «действовать согласно таким идеям есть необходимая максима разума» (3, 571).

Нет необходимости приписывать Канту материалистические взгляды. Идеализм в его учении о трансцендентальных идеях несомненен, но несомненно также и то, что, реализуя завет В. И. Ленина о материалистическом истолковании всего рационального, что было в идеалистических философских системах, следует обратить внимание на рассуждения Канта о трансцендентальных идеях. Действительно, всякое познание своим фундаментом имеет определенную систему мировоззрения, без этого не может осуществляться исследование во всей его полноте. И долг ученого состоит в познании предельных, мировоззренческих вопросов. Действовать во имя расширения познания в согласии с основными принципами мировоззрения — необходимая максима коллективного разума человечества.

Исходя из этих соображений, можно теперь вернуться к вопросу о мораториях на исследования в определенной сфере. Расширять человеческое познание, стремиться к получению новых знаний, способствующих пониманию фундаментальных закономерностей существования и развития бытия, — это право и долг ученого. С этой точки зрения, запретить исследования человеческой психики, остановить работы в области генетики и т. д. нельзя. Но научно-технические программы, которые своим побочным продуктом имеют создание новых технологий, но не приносят фундаментальных знаний о бытии и находятся в противоречии с принципами научного мировоззрения, включающего в себя необходимой частью идеалы гуманизма, должны быть запрещены. Программа СОИ находится в безусловном противоречии с максимальной человеческого разума, требующей познания бытия; она вообще не направлена на познание мира, и долг ученого, о котором говорил Кант, не имеет никакого отношения к планам «звездных войн». К этим планам имеет отношение, если можно так сказать, рассуждение Канта о вечном мире, в котором великий мыслитель предостерегал о возможности вечного покоя на общем кладбище человечества. Но это уже другая тема, хотя тоже связанная с этической проблематикой.

¹ См.: Харпер П. Кто умножает знание — умножает зло//Диалоги: Полемиические статьи о возможных последствиях развития современной науки. М.: Наука, 1979. С. 258—264.

² См., например: Богомолов А. С. Античная философия. М.: Изд-во МГУ, 1985; Францев Ю. П. У истоков религии и свободомыслия. М.: Мысль, 1969.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 131, 149.

⁴ Ильенков Э. В. Понятие «абстрактного» («идеального») объекта// Проблемы диалектической логики. Алма-Ата, 1968. С. 64.

⁵ См.: Бунге М. Философия физики. М.: Прогресс, 1975. С. 200.

Н. В. Станкевич как историк и критик немецкой философии конца XVIII — начала XIX века

Б. В. Емельянов (Уральский университет)

В. Г. Томилов (Томский университет)

Развитие русской философии в XIX веке можно сравнить с поисками ковра-самолета, на котором можно было бы улететь в страну счастья. Эти поиски были связаны с происходившими социально-экономическими сдвигами, с развитием капитализма, постепенным крушением феодальных устоев, кризисом официальной самодержавно-православной идеологии, нашедшим яркое выражение уже у Радищева.

Другую особенность этих поисков составляло то, что подобные ковры-самолеты в избытке предлагались западно-европейскими мыслителями, особенно немецкими. Некоторые из них были снабжены многообещающими надписями: «наставление к блаженной жизни», «истинное знание», «абсолютная истина» и т. д. «...Нет ни одной метафизической задачи, которая бы не была здесь разрешена или для решения которой не был бы здесь дан по крайней мере ключ», — писал, например, Кант о своей «Критике чистого разума» и для убедительности добавлял: «Что же касается *достоверности*, то я сам вынес себе следующий приговор: в такого рода исследованиях никоим образом не может быть позволено что-либо лишь *предполагать*; в них все, что имеет хотя бы малейшее сходство с гипотезой, есть запрещенный товар, который не может быть пущен в продажу даже по самой дешевой цене, а должен быть изъят тотчас же после его обнаружения. Ведь всякое познание, устанавливаемое а priori, само заявляет, что оно требует признания своей абсолютной необходимости...» (3, 76—77).

Подобные надписи имелись и на «коврах-самолетах» Фихте, Шеллинга и Гегеля. И необходимо было проверить, соответствуют ли эти торжественные формулы действительности и можно ли попасть на их «самолете» в упомянутую страну? Необходимость этой проверки диктовалась самой общественной жизнью того времени. Некоторые результаты такой работы мы находим уже в «Письмах русского путешественника». Карамзин обратил